

Информация для цитирования:

Науменко О. Н. Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII — начале XX веков / О. Н. Науменко, У. И. Абдуллаев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 437—455. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455.

Naumenko, O. N., Abdullaev, U. I. (2024). Adaptation of Sharia Law to Russian Criminal Law by Population of Western Turkestan and Siberian Bukharans in Late 18th - Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 437-455. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII — начале XX веков

Науменко Ольга Николаевна^{1,2}
orcid.org/ 0000-0002-4601-987X
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории,
корреспондирующий автор
oolgann@mail.ru

Абдуллаев Уткир Исмаилович¹
orcid.org/0009-0000-1156-0167
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории
utkir112@mail.ru

¹ Ургенчский
государственный университет
(Ургенч, Узбекистан)

² Ургенчский
инновационный университет
(Ургенч, Узбекистан)

Adaptation of Sharia Law to Russian Criminal Law by Population of Western Turkestan and Siberian Bukharans in Late 18th — Early 20th Centuries

Olga N. Naumenko^{1,2}
orcid.org/0000-0002-4601-987X
Doctor of History, Professor
Department of History,
Corresponding author
oolgann@mail.ru

Utkir I. Abdullaev¹
orcid.org/0009-0000-1156-0167
Doctor of History, Professor,
Department of History
utkir112@mail.ru

¹ Urgench State University
(Urgench, Uzbekistan)

² Urgench Innovation University
(Urgench, Uzbekistan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается государственная политика по сближению мусульманского права с российским законодательством в разных культурно-исторических условиях. Доказано, что апробация механизма проводилась на сибирских бухарцах в конце XVIII века, а со второй половины XIX века эти методы были применены к Западнему Туркестану, находившемуся под протекторатом Российской империи. В качестве источников привлекаются документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан и Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске. Методология исследования основана на теории систем К. Л. фон Берталанфи. Используются сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы исследования. Авторы приходят к выводу, что диссонанс между законодательством России и Западного Туркестана отразил не только различия между двумя разными по содержанию правовыми системами и религиозно-правовыми культурами, но главное — разрыв между средневековыми и современными для того времени юридическими представлениями. Адаптация Западного Туркестана к российскому законодательству формировала единые правовые представления и стала шагом к превращению многоконфессионального населения Российской империи в единый гражданский организм. Именно это подготовило почву для существования Узбекистана и России в составе СССР и позднее обеспечило развитие независимого Узбекистана с использованием законодательства, близкого российскому и европейскому.

Ключевые слова:

Туркестан; Средняя Азия; Российская империя, Россия, правовая система; шариат; Западная Сибирь; уголовное право; ссылка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the state policy of aligning Muslim law with Russian legislation in different cultural-historical contexts. It is demonstrated that the implementation of this mechanism was carried out among the Siberian Bukharans in the late 18th century, and from the second half of the 19th century, these methods were applied to Western Turkestan under the protectorate of the Russian Empire. Sources include documents from the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan and the State Archive of the Tyumen Region in Tobolsk. The research methodology is based on the systems theory of K. L. von Bertalanffy, utilizing comparative-historical and comparative-legal research methods. The authors conclude that the dissonance between Russian legislation and Western Turkestan not only reflected differences between two distinct legal systems and religious-legal cultures but primarily highlighted the gap between medieval and contemporary legal concepts for that time. The adaptation of Western Turkestan to Russian legislation shaped unified legal concepts and paved the way for transforming the multi-confessional population of the Russian Empire into a unified civic entity. This laid the groundwork for the coexistence of Uzbekistan and Russia within the USSR and later facilitated the development of an independent Uzbekistan using legislation closely aligned with Russian and European legal systems.

Key words:

Turkestan; Central Asia; Russian Empire; Russia; legal system; Sharia law; Western Siberia; criminal law; adaptation.

УДК 94:34(575.1)“175/191”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII — начале XX веков

© Наumenко О. Н., Абдуллаев У. И., 2024

1. Введение = Introduction

Современные международные процессы, отражающие сближение России и Узбекистана на разных уровнях взаимодействия, требуют более глубокого исследования совместной истории двух государств с обнаружением и анализом тех точек соприкосновения, которые оказались взаимовыгодными для обеих сторон. Как и в настоящее время, в дореволюционный период представители среднеазиатских народов мигрировали в Россию, преимущественно в Западную Сибирь, оседая вдоль Великого Шелкового пути. В России они получили обобщающее название «сибирские бухарцы».

Переселенцы укоренялись на новом месте жительства, сливаясь с коренным населением — сибирскими татарами. Новые поколения, родившиеся в Сибири, вполне принимали правила, установленные российским правительством, если таковые не угрожали потере их религиозной идентичности. Между тем из Средней Азии прибывали новые мигранты — не только торговцы, но и беженцы, уходя от военной опасности. В 1867 году было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство — орган российской государственной власти по управлению Средней Азией. Под его юрисдикцию попал Западный Туркестан, основными территориями которого считались Хивинское и Кокандское ханства и Бухарский эмират, — именно эти земли стали основой будущего Узбекистана.

В конце XVIII — начале XX веков Западный Туркестан не был единым государством: его отдельные части находились в состоянии борьбы друг с другом, а некоторые политические центры, такие как Хива, долго сопротивлялись России. Архивные документы за 1893 год не случайно упоминают «скопление подданных Хивинского ханства в пределах русской территории» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 29, д. 1039, л. 3 об.]. Оставаясь в Западной Сибири, они также становились «бухарцами» и подлежали российскому законодательству, которое противоречило их нормам адатно-шариатного

права. Таким образом, проблема правовой адаптации мигрантов из Средней Азии существовала всегда, и Российское правительство ее решало.

Во второй половине XIX века шел процесс установления российского протектората над территориями Западного Туркестана, при этом был использован опыт по адаптации шариата к законам Российской империи, полученный в Западной Сибири. Комментируя архивные документы по Бухаре того периода, Б. М. Бабаджанов отметил, что «богословы хорошо знали нормы шариата и видели все прецеденты отхода от него» [Туркестан..., 2016, с. 36], а условия российского протектората давали местным казиям возможность более быстрой корректировки устаревших норм. На землях Западного Туркестана и Западной Сибири Российским правительством была поставлена одна и та же задача, что позволяет определить общий механизм ее реализации, характерный для разных исторических периодов и регионов.

Научная новизна статьи заключается в том, что российская политика по изменению уголовно-правовых норм шариата у народов Западного Туркестана рассматривается: 1) в разных историко-политических условиях (миграция в православную Россию и жизнь на мусульманском Востоке); 2) через призму тюремной реформы 1879 года по гуманизации обращения с заключенными; 3) с использованием взаимодополняющих материалов из архивов России и Узбекистана, что создает полную картину уголовного наказания в связке «шариат — российское право — сибирская каторга и ссылка».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — определить механизм адаптации шариата к российскому уголовному праву на примере разных групп населения Западного Туркестана, проживавших в отличающихся культурно-исторических условиях.

Учеными пока не решалась проблема, поставленная в статье, однако опубликованные научные труды подготовили базу для такого исследования. Б. М. Бабаджанов опубликовал несколько статей о политике генерала Черняева, который правил Ташкентом в соответствии с местной традицией и нормами шариата [Бабаджанов, 2012, Бабаджанов, 2013 и др.]. Наиболее популярной темой является управление Средней Азией и реформирование там судебной системы в соответствии с российским законодательством [Обушиев и др., 2007; Sartory, 2008; Morrison, 2008; Салиев, 2016]; отдельно отметим издание «Туркестан в имперской политике России», где реформированию судебной системы Средней Азии посвящено несколько сотен страниц с опубликованными архивными документами и комментариями к ним [Туркестан..., 2016]. Эти же вопросы затрагивались другими учеными при исследовании административного управления Хивинского ханства [Бегалиева, 2019], становления института потерпевшего в Средней Азии [Сайфиди-

нов, 2021], при рассмотрении торгово-дипломатических отношений царской России с центральноазиатскими ханствами [Рачабов, 2022] и др.

Отдельно отметим широкий пласт научных исследований по истории сибирских бухарцев. Монография Х. Зияева «Узбеки в Сибири (XVII — XIX века)», изданная на русском и узбекском языках [Зияев, 1968], отразила один из правовых аспектов исследуемой проблемы: изменение статуса сибирских бухарцев и ташкентцев (так автор определил группы переселенцев в Западную Сибирь) в сфере беспошлинной торговли. Отметим, что изменение их правового статуса хронологически совпадает с этапами распространения на сибирских бухарцев российского законодательства. В монографии есть информация о шариате: упоминание мусульманских судов и женщин в парандже, сведения об образованности сибирских бухарцев, которые учили местных мусульман Корану (соответственно, и шариату), и т. д. [Зияев, 1968, с. 30, 66—67]. Между тем содержание мусульманского права и механизм адаптации его норм к российскому законодательству автором не рассматривались, — но это было и невозможно в идеологических условиях 1960-х годов, когда была издана монография.

В начале 2000-х годов Тюменский госуниверситет стал центром реализации масштабного научного проекта «Ислам на краю света», который завершился изданием трехтомника под руководством д.и.н. А. П. Яркова [Ислам..., 2007; Ислам..., 2015; Ислам..., 2019]. Кроме обско-угорского компонента, обусловившего «специфику сибирского ислама» (как его принято называть в Западной Сибири), авторский коллектив собрал и проанализировал уникальный источниковедческий материал о роли сибирских бухарцев в распространении, утверждении, а после 1991 года — и в возрождении ислама на территории Западной Сибири. Хронологически исследование охватывает период от суфийского ордена Накшбандия эпохи Средневековья до начала 2000-х годов. Трехтомник «Ислам на краю света» содержит богатый фактический материал по теме исследования, включая роль Ембаевского медресе в обучении исламу и мусульманскому праву. Монография отразила историю Бухарской волости Тобольской губернии, численность сибирских бухарцев, «Сборник обычного права сибирских инородцев» и другие аспекты исследуемой проблемы [Ислам..., 2015, с. 71—74]. Между тем авторский коллектив не ставил цель изучить механизм поэтапной трансформации норм шариата у сибирских бухарцев.

Одновременно с работой над трехтомником «Ислам на краю света» издавались индивидуальные научные труды. Наиболее близка к теме исследования монография Т. Г. Бакиевой, которая посвящена правовой культуре сибирских татар в Тобольской губернии, но с акцентом на гражданское и семейное право [Бакиева, 2011]. Другие опубликованные исследования ка-

саются истории сибирских бухарцев в целом [Самигулов и др., 2018 и др.]. Таким образом, пока нет исследований, которые рассмотрели бы механизм трансформации норм шариата и применения российского уголовного права в сравнительном контексте, в двух культурно-исторических зонах, с учетом миграционного фактора.

Исследование выполнено на основе двух групп источников.

Первая группа включает материалы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (г. Ташкент) и Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске. В Ташкенте находятся документы об управлении Туркестаном представителями российской власти, в том числе о введении норм российского законодательства во второй половине XIX века; там же дается характеристика системы наказаний согласно местным представлениям шариата. В Тобольске — бывшей «столице» сибирской каторги и ссылки — находятся документы: 1) характеризующие условия отбывания наказания по российскому законодательству, в том числе для представителей Западного Туркестана; 2) судебные дела, которые иллюстрируют результат согласования шариата и российского права для сибирских бухарцев. Таким образом, архивные документы позволяют исследовать научную проблему достаточно полно.

Среди архивных документов встречаются метрические книги XIX века из мечетей Тобольской губернии, написанные на старо-персидском языке в арабской графике. По теме исследования в них обнаружено свидетельство, характеризующее противоречие между шариатом сибирских бухарцев и регионами Востока: это запись о смерти торговца из юрт Казанских, который в 1852 году не вернулся из Персии. В комментариях о смерти указан большой долг, который не был выплачен [ГАТО в г. Тобольске, ф. И-494, оп. 1, д. 22, л. 3]; вероятно, торговца казнили по персидским законам, хотя в России такое наказание не применялось. Обнаруженное свидетельство оказалось важным источником для понимания условий, в которых происходила адаптация шариата к российскому законодательству. Эта запись показывает, что сибирские бухарцы вынуждены были существовать в трех правовых реальностях: во-первых, знать местные нормы шариата; во-вторых, — российское законодательство; и, в-третьих, — мусульманское право стран Востока.

Вторая группа источников — нормативные акты и сборники «правовых обычаев» мусульман в Западной Сибири. Для исследования использованы статьи Соборного уложения 1647 года, Артикула воинского 1715 года, соответствующие представлениям шариата (в частности, об отрубании рук). В 1830-х годах все эти нормативные акты были включены в Полное собрание законов Российской империи преимущественно в качестве уже уста-

ревших уголовно-правовых норм. Частично они были использованы при создании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Это Уложение представляет собой отдельный том (№ 15) Собрания законов Российской империи, которое объединило в себе все действующие уголовно-правовые нормы после их кодификации в 1830-е годы, с исключением устаревших статей. Поэтому Уложение, с учетом его последующих редакций, является единственным и полным законодательным источником российского уголовного права после 1845 года.

В целом эти нормативные документы позволяют определить степень противоречий между шариатом и российским правом и, соответственно, сложность задачи по их сближению, поставленной правительством. Четыре сборника норм шариата в Западной Сибири созданы в период с 1785 года по 1820-е годы; оригиналы трех из них хранятся в Тобольске и цитируются по тексту и переводу Г. Т. Бакиевой [Бакиева, 2011]; четвертый опубликован в Варшаве в 1870-х годах [Сборник..., 1876]. Сравнение текстов этих сборников позволяет выявить результат политики по сближению шариата с российским уголовным правом.

Методология исследования основана на теории систем К. Л. фон Берта-ланфи [Von Bertalanfy, 1968]. В рамках этой теории российская правовая среда (в одном случае — при переселении «бухарцев» в Западную Сибирь, в другом — при завоевании Средней Азии) становилась фактором, который привел в движение функционировавшую систему шариата, его внутреннее содержание и механизм применения. На обеих территориях наибольшему воздействию подверглись уголовные нормы, — они пришли в хаос, что создавало условие для изменений. Постепенно представления об уголовном наказании, характерные для мусульманской уммы на протяжении длительного периода, обретали иное содержание и складывались в другой последовательности, в результате образуя обновленную систему, соответствующую российскому законодательству. Этот процесс был объективным для тех исторических условий, так как соответствовал изменениям, происходившим внутри самого мусульманского сообщества под воздействием внешней культурной среды — Российской империи.

Методы исследования — сравнительно-исторический и сравнительно-правовой — применены для анализа разных сфер, отражающих процесс трансформации шариата. Первый метод также позволяет сравнить культурно-исторические условия Западного Туркестана и Западной Сибири, в которых происходили изменения в мусульманском праве. Второй метод заключается в сопоставлении норм уголовного законодательства на этих двух территориях, а также в оценке соответствия их Уголовным Уложениям Российской империи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Шариат сибирских бухарцев и российское законодательство

Сибирские бухарцы — обобщающее название представителей Средней Азии, переселившихся в Западную Сибирь в разные исторические периоды; этот термин использовался в российской деловой документации до начала XX века. Исследователь сибирского ислама Г. Т. Бакиева пришла к выводу, что еще в XVI веке большинство из норм шариата не просто было известно сибирским бухарцам, — их знания опирались на мнения известнейших правоведов, толкователей священных текстов Корана и Сунны: в текстах фигурируют имена Алимана, Мухтазара, Фаранза, Хидая, Шархи-Выкая [Бакиева, 2011, с. 7]. Изучение таких юридически-богословских трудов обычно входило в программу духовного образования в медресе Бухары, Самарканда и других классических центров ислама, откуда прибывали переселенцы.

В XVII веке процесс сближения уголовных норм шариата с российским правом еще не был выражен отчетливо, кроме изъятия из ведения мусульманской уммы дел по государственной измене. В тот период основная часть статей Соборного уложения 1647 года еще не вступала в системное противоречие с наказаниями по мусульманскому праву: помимо многочисленных сюжетов о смертной казни и других наказаниях, в Уложении действовали статьи об отсечении рук. Глава VII, ст. 29: «А будет кто на службе у кого украдет лошадь, и ему за те татьбу руку отсечь»; глава III, ст. 9: «А будет тот же тать пойман будет с краденым в государеве дворе в третьие, и ему за то отсечь рука, чтобы на то смотря иным неповадно было...»; глава III, ст. 4: «А будет кто при государе вымет на кого какое ни буди оружие, а не ранит, и не убьет... отсечь рука»; отсечение руки фигурирует и в ст. 5 этой же главы. В Соборном уложении нет статей о забивании камнями, но зато есть о «залитии горла» раскаленным металлом (глава V, ст. 1). Нечто подобное содержится в архивных документах Узбекистана, в данных Туркестанского генерал-губернаторства: «Два офицера из отряда Алимбека за трусость и бегство от русских были умерщвлены вливанием в рот и на тело кипяченой воды» (читаем: «кипящей воды») [ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, д. 25, л. 179—180].

Ситуация сохранилась в начале XVIII века. Артикул воинский 1715 года дополнил составы преступлений, за которые предполагалась смертная казнь, и дополнительно ввел отсечение руки за богохульство: «Кто пресвятую мать божию деву Марию и святых ругательными словами поносит, оный имеет, по состоянию его особы и хуления, телесным наказанием отсечения сустава наказан» (Глава 1. Артикул 4).

Во второй половине XVIII века процесс сближения шариата с российским законодательством приобрел более отчетливые очертания. В Тоболь-

ской губернии мурзам Кульмаметевым, получившим право управления мусульманами, было поручено сделать записи шариата: все дела по «магометанскому закону... препоручены в единственное их ведение» [Самигулов и др., 2018, с. 102]. Так как уголовное судопроизводство в России носило светский характер, то «суд и расправа», а также формирование «кодексов» мусульманского права в Западной Сибири также были поручены представителям светской, а не духовной власти. Это обстоятельство подтверждает, что в регионе уже шел процесс адаптации уголовных и уголовно-процессуальных норм шариата к российскому праву.

Соборное уложение и Артикулы считались действующими нормативными актами России вплоть до систематизации законодательства в 1830-е годы, хотя многие статьи в них уже устарели и фактически не применялись. При Екатерине II был начат процесс переработки законов Российской империи в соответствии с новыми направлениями правовой и этноконфессиональной политики: в 1773 году провозглашена реформа по «укреплению начал веротерпимости». Предполагалась частичная унификация религиозных представлений иноверцев в соответствии с христианскими канонами: вводилась архитектура мечетей по проектам православных храмов, изменялись подходы к мусульманскому искусству и т. д. [Бортникова, 2014]. В 1788 году решение этой задачи было возложено на Уфимское духовное магометанского закона собрание, со временем получившее название *Оренбургское магометанское духовное собрание* (ОМДС). Оно стало влиятельной государственной структурой по унификации мусульманского права, иногда в неожиданном для себя ракурсе. Например, когда от правительства поступило требование перенести правила захоронения мусульман с первого дня на третий, как это было принято в России, то согласие сопровождалось обоснованием: «Оренбургский Муфтий вместе с Оренбургским Магометанским Духовным Собранием не принимает Магометанских законов в таком строгом смысле» [Цит. по: Бортникова, 2014, с. 58—59].

Запись мусульманского права теоретически давала возможность систематизировать положения шариата: убрать уже не применявшиеся нормы, дополнительно обратиться к трудам мусульманских богословов и по возможности согласовать «обычай» с российским уголовным правом. Антироссийские бунты, измена государю и другие подобные действия уже в XVII веке карались по российскому законодательству. Документы зафиксировали такие сюжеты по отношению к коренному населению Западной Сибири [Науменко, 2020]. Наказания за другие тяжкие преступления (убийства, грабежи, разбой и т. д.) также постепенно изымались из ведения уммы, и конец XVIII века стал в этом плане переломным. Мурзы уже имели законное право «производить между татарами всякую распра-

ву» и — обратим внимание — «за малые вины самим наказывать» [Бакиева, 2011, с. 18]. Таким образом, в XVIII веке «тяжкие вины» (то есть серьезные уголовные преступления) уже отсутствовали среди полномочий мурз, но в разных регионах Западной Сибири процесс таких изменений шел с разной скоростью.

В частности, сборник 1785 года «О законе и обряде... ясажных магометан...» (г. Тобольск) отразил ответственность по шариату лишь за незначительные преступления и гражданско-правовые проступки, что детально исследовано Г. Т. Бакиевой [Бакиева, 2011, с. 5]. В то же время «Сборник обычного права сибирских инородцев» (г. Омск), созданный в 1820-е годы, содержит наказания и за тяжкие уголовные преступления: «Виновный в неосторожном убийстве человека платит 100 верблюдов...»; «За грабеж полагалось лишение руки или ноги, а потом предание смерти...» [Сборник..., 1876, с. 18, 23]. Расхождение в содержании двух текстов подтверждает, что в одном из них (1785 год) произошло редактирование шариата в соответствии с российским уголовным законодательством; во втором же еще сохранились устаревшие нормы.

В 1820-е годы создавались и другие сборники, так как представления об исламе отличались в разных регионах Тобольской губернии. Например, одна из рукописей отразила шариат татар Ялуторовского уезда. Эта территория расположена на юге региона; там ранее проживало обско-угорское население, которое было ассимилировано татарами и привнесло в культуру последних черты доисламских верований. Эти религиозные особенности зафиксированы А. А. Ярзуткиной [Ярзуткина, 2002]. Характерно, что записи шариата, сделанные Кульмаметевыми в 1785 году, к 1820-м годам так и не стали универсальными для всех мусульман Западной Сибири: омский и ялуторовский сборники отличаются от тобольского даже спустя 35—40 лет.

Однако в конце периода, отведенного для формирования этих сборников, содержание уголовных норм мусульманского права уже не могло признаваться властью в первоначальном варианте. В 1801 году указом Александра I были запрещены истязания и пытки [Куликова, 2023, с. 230]. В российском уголовном праве с этого момента в качестве «болезненных» видов наказаний остались только удары плетью и клеймение, поэтому членовредительные практики средневекового понимания шариата подпадали под запрет. Таким образом, формально переход к российскому уголовному праву (в части тяжких преступлений) был завершен.

Между тем оставалось несовершенным само российское право; периодически встал вопрос, что конкретно нужно считать тяжким уголовным преступлением, чтобы изъять его из ведения уммы. Получившийся результат характеризуется материалами судебного дела о краже коня, со-

вершенной в Тобольской губернии сибирским бухарцем Ниясом Ренгуловым [ГАТО в г. Тобольске, ф. И-156, оп. 9, д. 362]. Он увел коня, принадлежащего Абалакскому православному монастырю, и отказался возвращать. Все, что смог сделать монастырь в рамках закона, — это через 9 лет взыскать стоимость украденного. Уголовное дело не было возбуждено; бухарец оказался подсуден только мусульманскому («народному») суду, а там должностные лица бездействовали. Однако ни по местному варианту шариата, ни по Соборному уложению 1647 года за это преступление бухарец больше не подлежал «отрубанию руки». В дальнейшем, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, конокрадство стало пониматься как тяжкое преступление: за это полагалась ссылка или заключение в исправительном отделении [Зарубина, 2023, с. 62]. Соответственно, с 1845 года это преступление однозначно изымалось из мусульманских судов. Однако бухарец совершил кражу до введения в действие Уложения, когда применение наказания еще не было отрегулировано. В целом дело о бухарце Н. Ренгулове иллюстрирует пример полного ухода от ответственности за конокрадство и отражает начало новой стадии в процессе адаптации шариата к российскому праву, когда государственная власть начала ликвидировать подобные правовые пробелы.

Во второй половине XIX — начале XX века ситуация изменилась. Действие норм шариата осталось в гражданско-правовых спорах, семейных отношениях, а также при совершении незначительных преступлений. Статистика осужденных в Тобольской каторжной тюрьме свидетельствует, что уже в конце XIX века за преступления насильственного или политического характера к мусульманам активно применялась каторга и ссылка. Подсчеты, сделанные на основе мусульманских имен каторжан Тобольских тюрем, показали рост их числа: если в 1891 году магометане (многие с суффиксом «оглы») там составляли 23 % от общего числа заключенных, то в 1905 году — уже 73,5 % [ГАТО в г. Тобольске, ф. И-17, оп. 1, д. 1, 2, 25, 31, 36]. В этот период к мусульманам применялась и ссылка: в 1906 году в г. Березов Тобольской губернии «за антиправительственные речи» был отправлен мулла Шакир Абдул-Бакиев Шарыпов, проживавший в Бухарской волости Тобольского уезда [ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 59].

Таким образом, к началу XX века механизм адаптации шариата сибирских бухарцев к российскому уголовному праву прошел несколько стадий (этапов): от признания его в почти неизменном виде на первом этапе до замены ряда наказаний на сибирскую каторгу и ссылку — на завершающем этапе. Во время последней стадии уже шел процесс присоединения территории Западного Туркестана к Российской империи, и апробированный механизм был запущен вновь.

3.2. Распространение на Западный Туркестан уголовного права Российской империи

С момента установления российского протектората над Средней Азией население Хивинского, Кокандского и Бухарского ханств оказалось в сфере целенаправленной государственной политики по адаптации местной системы шариата к российскому уголовному праву. С одной стороны, у России уже был опыт подобной практики; с другой стороны, условия для ее реализации теперь были иными. В Средней Азии российская власть пришла на территорию ислама, где существовала сложившаяся веками иная правовая система. Хронологический промежуток для адаптации местного законодательства к российскому праву также оказался коротким: в запасе не было двух-трех столетий, как это произошло в Западной Сибири. Кроме этого, в отличие от XVII века, когда жестокость наказаний по российскому уголовному праву еще не вступала в серьезный диссонанс со средневековыми представлениями шариата, при завоевании в XIX веке Западного Туркестана разница стала ощутимой и порой шокировала представителей российской администрации.

В качестве иллюстрации приведем свидетельство за 1853 год: «Взятый живым Мусульман-Кул привезен был в Кокан и казнен особенно торжественным образом. Сделан был помост из досок, вышиною до 3 аршин, на который посадили его для позора на высокой табуретке и окованного цепями по всему телу. Сюда в течение двух суток приводили всех захваченных кипчаков и резали их беспощадно на глазах его. До 600 человек кипчаков погибло таким образом. На третий день поставили возле помоста виселицу и вздернули на ней бывшего Мин-Баши... Чиновники из кипчаков, попадавшие в руки преследователей своих, умирали большею частью в самых жестоких пытках: из них вымогали всеми средствами, где находятся деньги их и пожитки. Так, приятель Крылова, некто Сафарбай, бит был сначала палками, потом выворачивали ему руки и ноги, затем давили голову между свинцовых досок, так что глаза выкатывались изо лба; наконец, обливали всего вскипяченным маслом и в заключение зарезали» [ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, д. 14, л. 401—403].

В качестве сравнения приведем аналог уголовного наказания в Западной Сибири с эшафотом и позорным столбом в эти же годы. Процедура называлась *торговой казнью* и заключалась в сочетании «позорящего» и телесного наказания. В 1951 году Тобольское губернское правление купило 9 разборных эшафотов, в комплектацию которых входили «позорные столбы» [ГАТО в г. Тобольске, ф. 1, оп. 1, д. 573, л. 4]. При наказании винный прикреплялся цепями к столбу (над головой дворянина дополнительно переламывалась шпага — этот символический ритуал означал лишение

титула); далее в течение нескольких часов любой человек мог «позорить» преступника, как хотел, но без причинения ему физической боли (например, бросить в него тухлыми яйцами); после этого следовало наказание розгами, нередко имеющими несколько хвостов. После экзекуции преступники выживали: это наказание не было связано с лишением жизни.

Таким образом, противоречия между российским уголовным законодательством и нормами местного адатно-шариатного права, сложившиеся на территории Западного Туркестана, были достаточно глубоки. Тем не менее анализ архивных документов показывает, что при корректировке шариата в Средней Азии присутствовали те же стадии и приемы, которые были апробированы ранее на сибирских бухарцах. Однако на этот раз примененный механизм оказался более четко выраженным.

На первой стадии демонстрировалось абсолютное невмешательство в местное законодательство, хотя сфера тяжких преступлений по возможности сразу изымалась из ведения шариата. В 1865 году генерал М. Г. Черняев завоевал Ташкент, после чего продекларировал почтение местным законам, но все же сослался на обязательное действие российского уголовного права: «О, жители Ташкента! Вершите свои дела, не отступая ни в коем случае ни йоту от повелений Благословенного и Всевышнего Бога и разъясняющего религию (пророка) Мухаммада — благословения и приветствие Аллаха ему и всей его семье! — а также, не отступая от предписаний благородного шариата Пророка и его сподвижников — благословение и приветствие им! Исполняйте [свои] обычаи, как это издревле было принято в этом краю... Если человек убьет другого человека или будут ограблены торговцы и караваны, таких преступников будем судить по русским законам» [ЦГА РУз, ф. И-17, оп. 1, д. 9679, л. 116—116 об.].

На второй стадии необходимо было сделать записи новой трактовки шариата. Этим занимались местные казии. В Ташкенте процесс начался уже в 1860-е годы при генерале Черняеве, так как богословы понимали необходимость реформирования и участвовали в нем [Туркестан..., 2016, с. 36]. Спустя почти полвека, в 1910 году один из чиновников Туркестанского управления свидетельствовал: «...самый крупный факт конца XIX века — появление русских — совершенно меняли этот строй, и под определение шариата услужливыми муллами подводилось новое содержание...» [ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 2, д. 369, л. 33—40 об.].

На третьей стадии необходимо было уточнить, какие противоправные деяния нужно считать тяжкими уголовными преступлениями, а какие — нет. По этому поводу шли дискуссии. В 1892 году было принято «Положение об управлении Туркестанского края», где в статье ст. 141 были перечислены составы преступлений, подсудные Российской империи, а не

местному мусульманскому «народному суду». В 1898 году эта статья была дополнена положениями о некоторых деяниях насильственного характера, а также делах «о ростовщичестве, подрывающем экономическое благосостояние населения края» [Туркестан..., с. 158—159, 164] и т. д.

На четвертой стадии уголовное законодательство стало применяться уже в соответствии с российским правом; вначале это произошло в пенитенциарных учреждениях, расположенных на территории Западного Туркестана, а позднее — в условиях сибирской каторги и ссылки. Однако принцип гуманности в Средней Азии был принят не всеми; одной из причин Андижанского восстания 1898 года стали именно изменения в системе наказаний, введенные российской властью: «Прежде, при ханах, всякое преступление каралось строго: за воровство в первый раз отрубали руку, а во второй — голову, народ боялся; теперь за все лишь сажают в острог, сытно кормят, чисто держат, бояться нечего» [Головина, 1902]. Эта характеристика местного зиндана соответствовала проведенной в России реформе по гуманизации тюремного заключения по европейскому образцу.

После антирусского Андижанского восстания 1898 года к представителям Западного Туркестана впервые была применена сибирская каторга; ею заменили смертную казнь. Участники восстания отбывали первую часть наказания в Тобольске: упоминание об «андижанских среднеазиатцах» есть в воспоминаниях Д. И. Менделеева, посетившего каторжную тюрьму в 1899 году [Уральская..., 1900, с. 434]. Второй случай сибирской каторги, примененный к жителям Западного Туркестана, был связан с Хивинским восстанием 1916 года [Отегенов, 2019, с. 35].

На рубеже XIX—XX веков в Тобольском тюремном комплексе в качестве эксперимента уже применялись новые стандарты: улучшалось питание, медицинское обслуживание, менялись условия привлечения к труду и т. д. Степень гуманизации условий содержания опасных преступников (чаще всего рецидивистов) была непривычной и непонятной даже в России [Науменко и др., 2023]. Поэтому на сибирской каторге лидеры восстаний оказались в двойственной ситуации: выступив против введения в Западном Туркестане российских уголовных законов, они смогли сохранить свои жизни именно с их помощью. Примененные к каторжанам меры, основанные на российском законодательстве, формально не были связаны с казнью, пыткой, мучительными видами экзекуции и даже телесными наказаниями, что представляется серьезным гуманным шагом в положении осужденных. После 1917 года большинство таких заключенных были объявлены борцами с царским режимом и получили статус бывших политических каторжан.

4. Заключение = Conclusions

Государственная политика по сближению шариата народов Западного Туркестана с российским законодательством реализовывалась дважды: вначале при Екатерине II относительно сибирских бухарцев и позднее при вхождении Средней Азии в состав Российской империи.

Сибирские бухарцы привносили в мусульманскую умму России представления об исламе, сложившиеся в Бухаре, Самарканде, Хорезме и других культурных центрах Западного Туркестана. Процесс сближения культур не только духовно обогащал мусульман Сибири, но оказывал воздействие на самих переселенцев. Происходило заимствование российских правовых норм, которые в итоге оказывались общими, формировали единые правовые представления и становились шагом к превращению многоконфессионального населения Российской империи в единый гражданский организм.

В историческом прошлом между законодательством России и Западного Туркестана существовал серьезный диссонанс. Он сложился не просто между двумя разными по содержанию правовыми системами, но главное — между средневековыми и современными для того времени юридическими представлениями, еще и функционировавшими в отличающихся религиозно-правовых культурах. Усиление этого внутреннего конфликта обуславливалось тем фактом, что именно в период присоединения Средней Азии в России началась тюремная реформа 1879 года, предполагавшая гуманизацию условий содержания по европейскому образцу. Не все в Западном Туркестане приняли такие изменения. Тем не менее к разрешению этого противоречия мусульманское сообщество в целом было готово: с его стороны поступал «социальный запрос» на правовую реформу.

Сближение норм шариата с российским уголовным правом не просто гуманизировало правовые представления населения Западного Туркестана, но постепенно превращало его в часть многонационального народа Российской империи. Это подготовило почву для сосуществования России и Узбекистана в составе единого государства — СССР. Советский период завершил начатый процесс по унификации права и после 1991 года обеспечил его дальнейшее функционирование в рамках отдельной, но близкой по содержанию к российской, системе законодательства.

Таким образом, в течение последних столетий все правовые противоречия между законодательством России и современного Узбекистана были преодолены, а это — один из важнейших факторов, создающих возможность для гармоничного существования разных народов в условиях миграционных процессов, культурных и научных обменов, деловых и личных контактов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО в г. Тобольске — *Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске.*
2. *Головнина Ю. Д.* На Памирах. Записки русской путешественницы [Электронный ресурс] / Ю. Д. Головнина. — Москва, 1902. — Режим доступа : <https://rus-turk.livejournal.com/105248.html> (дата обращения 24.03.2024).
3. *Сборник обычного права сибирских инородцев.* — Варшава : Изд. Д. Я. Самовасова, 1876. — 282 с.
4. *Уральская железная промышленность в 1899 году.* — Санкт-Петербург : Типография В. Демакова, 1900. — 866 с.
5. ЦГА РУз — *Центральный Государственный архив Республики Узбекистан.*

Литература

1. *Бабаджанов Б. М.* Российский генерал-конквистадор в русском Туркестане. Взлеты и падения М. Г. Черняева / Б. М. Бабаджанов // Восток свыше. — 2012. — № 4. — С. 63—72.
2. *Бабаджанов Б. М.* Туркестанский конквистадор : Взлеты и падения генерала Черняева / Б. М. Бабаджанов // Восток свыше. — 2013. — № 1. — С. 51—67.
3. *Бакиева Т. Г.* Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII — начале XX в. / Т. Г. Бакиева. — Новосибирск : Гео, 2011. — 213 с. — ISBN 978-5-904682-52-1.
4. *Бегалиева Д. Э.* Хива хонлиги маъмурий бошқарув тарихи / Д. Э. Бегалиева // Историюна. — 2019. — № 1—2 (83). — С. 55—57.
5. *Бортникова Ю. А.* Государственная политика как фактор эволюции мусульманской художественной культуры Тюменского региона : 1773—1991 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ю. А. Бортникова. — Кемерово, 2014. — 265 с.
6. *Зарубина К. А.* Конокрадство, как опасный криминальный промысел в дореволюционной России, или как наказывали за кражу лошадей? / К. А. Зарубина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2023. — Т. 9. — № 3. — С. 61—65.
7. *Зияев Х.* Узбеки в Сибири (XVII—XIX вв.) / Х. Зияев. — Ташкент : Фан, 1968. — 77 с.
8. *Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Источники и историография* / Под ред. А. П. Яркова. — Тюмень : Колесо, 2007. — Т. 1. — 417 с. — ISBN 978-5-903644-10-0.
9. *Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Сибирский ислам в Средние века и Новое время* / Под ред. А. П. Ярков. — Москва : [б. и.], 2019. — Т. 2. — 366 с. — ISBN 978-5-89394-308-5.
10. *Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Трансформация Уммы в XIX — XXI вв.* // Под ред. А. П. Ярков. — Москва : [б. и.], 2015. — Т. 3. — 444 с. — ISBN 978-5-89394-268-2.
11. *Куликова А. К.* К вопросу об истории развития российского законодательства об ответственности за истязание и пытку / А. К. Куликова // Закон и право. — 2023. — № 11. — С. 228—232. — DOI: 10.24412/2073-3313-2023-11-228-232.

12. *Науменко О. Н.* Коренные народы Севера и инквизиционный характер тюрем Ямала и Югры в XVII — начале XX вв. / О. Н. Науменко // Былые годы. — 2020. — № 58 (4). — С. 2315—2323. — DOI: 10.13187/bg.2020.4.2315.
13. *Науменко О. Н.* Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII — начале XXI веков (на материалах Западной Сибири) / О. Н. Науменко, М. Ш. Альмухаметова, М. Г. Пинигин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 436—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453.
14. *Обушиев С. П.* Судебная политика в национальных окраинах Российской империи в XIX веке (Дальний Восток, Сибирь, Степное Предкавказье, Закавказье, Казахстан и Средняя Азия) / С. П. Обушиев, Г. Б. Умерова // Право и политика. — 2007. — № 5. — С. 111—120.
15. *Отегенов Х.* К оценке восстаний в Хивинском ханстве и Амударьинском отделе в 1916 г. / Х. Отегенов // Каспийский регион : политика, экономика, культура. — 2019. — № 2 (59). — С. 31—36.
16. *Рачабов С. О.* Муносибатҳои тичоратию дипломатии Русияи подшоҳӣ бо хониғарихоӣ осоиёи марказӣ дар шароити сиёсати мустамликадорӣ / С. О. Рачабов // Маҷаллаи академии ҳуқуқ. — 2022. — № 3 (43). — С. 168—174.
17. *Сайфидинов Ф. Ф.* Становление института потерпевшего в Кокандском и Хивинском ханствах, а также Бухарском эмирате / Ф. Ф. Сайфидинов // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. — 2021. — № 1 (49). — С. 115—123.
18. *Самигулов Г. Х.* Новые источники по истории мурз Кульмаметевых / Г. Х. Самигулов, З. А. Тычинских // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2018. — № 1 (40). — С. 99—107. — DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-099-107.
19. *Салиев А. Л.* Судебная политика российского самодержавия в кочевых регионах Туркестана : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. Л. Салиев. — Бишкек, 2016. — 396 с.
20. *Сман А.* О праве и правах человека (историко-правовой взгляд) / А. Сман, Е. Н. Латкина, Р. Т. Аккулов // Международный научный журнал. — 2016. — № 5 (33). — Т. 2. — С. 188—193.
21. *Туркестан* в имперской политике России : монография в документах / Б. М. Бабджанов, Т. В. Котюкова (отв. ред.), О. А. Махмудов, С. Н. Абашин ; Ин-т всеобщ. истории РАН, Сектор истории Центральной Азии XIX—XX вв. — Москва : Кучково поле, 2016. — 878 с. — ISBN 978-5-9950-0695-4.
22. *Ярзуткина А. А.* «Идолопоклонство» сибирских татар : история изучения вопроса и опыт систематизации этнографических материалов / А. А. Ярзуткина // Тюркские народы : матер. V Сибирского симпозиума. — Омск : ОмГПУ, 2002. — С. 77—91.
23. *Morrison A.* Russian Rule in Samarkand 1868—1910. A Comparison with British India / A. Morrison // Oxford. — 2008. — Chapter 7. — DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199547371.001.0001.
24. *Sartory P.* Judicial Elections as a Colonial Reform : The Qadis and Biys in Tashkent, 1868—1883 / P. Sartory // Cahiers du Monde russe. — 2008. — № 49/1. — Pp. 79—100. — DOI: 10.2307/40419105.
25. *Von Bertalanfy L.* General System Theory. Foundations, Development, Applications / L. Von Bertalanfy. — New York : G. Braziller, 1968. — 289 p.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024,
одобрена после рецензирования 15.06.2024,
подготовлена к публикации 24.06.2024.

Material resources

- Central State Archive of the Republic of Uzbekistan*. (In Russ.).
- Collection of customary law of Siberian foreigners*. (1876). Warsaw: Publishing house of D. Ya. Samokvasov. 282 p. (In Russ.).
- GATO in Tobolsk — *The State Archive of the Tyumen region in Tobolsk*. (In Russ.).
- Golovnina, Yu. D. (1902). *In The Pamirs. Notes of a Russian traveler*. Moscow. Available at: <https://rus-turk.livejournal.com/105248.html> (date of appeal 03/24/2024). (In Russ.).
- The Ural iron industry in 1899*. (1900). St. Petersburg: V. Demakov Printing House. 866 p. (In Russ.).

References

- Babajanov, B. M. (2012). Russian conquistador general in Russian Turkestan. The ups and downs of M. G. Chernyaev. *Vostok svyshe*, 4: 63—72. (In Russ.).
- Babajanov, B. M. (2013). Turkestan conquistador: The ups and downs of General Chernyaev. *Vostok svyshe*, 1: 51—67. (In Russ.).
- Bakieva, T. G. (2011). *Custom and law. Essays on the legal culture of the Siberian Tatars in the XVIII—early XX century*. Novosibirsk: Geo. 213 p. ISBN 978-5-904682-52-1. (In Russ.).
- Begalieva, D. E. (2019). Khiva honligi mamuriy boshkaruv tarikhii. *Internauka*, 1—2 (83): 55—57. (In Russ.).
- Bortnikova, Yu. A. (2014). *State policy as a factor in the evolution of Muslim artistic culture in the Tyumen region: 1773—1991*. PhD Diss. Kemerovo. 265 p. (In Russ.).
- Islam at the edge of the world. The history of Islam in Western Siberia. Sources and historiography*, 1. (2007). Tyumen: Koleso. 417 p. ISBN 978-5-903644-10-0. (In Russ.).
- Islam at the edge of the world. The history of Islam in Western Siberia. Siberian Islam in the Middle Ages and Modern Times*, 2. (2019). Moscow: [b. i.]. 366 p. ISBN 978-5-89394-308-5. (In Russ.).
- Islam at the edge of the world. The history of Islam in Western Siberia. Transformation of the Ummah in the XIX—XXI centuries*, 3. (2015). Moscow: [b. i.]. 444 p. ISBN 978-5-89394-268-2. (In Russ.).
- Kulikova, A. K. (2023). On the question of the history of the development of Russian legislation on liability for torture and torture. *Law and law*, 11: 228—232. DOI: 10.24412/2073-3313-2023-11-228-232. (In Russ.).
- Morrison, A. (2008). Russian Rule in Samarkand 1868—1910. A Comparison with British India. *Oxford*, 7. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199547371.001.0001.
- Naumenko, O. N. (2020). Indigenous peoples of the North and the inquisitorial nature of prisons in Yamal and Yugra in the XVII — early XX centuries. *Bygone years*, 58 (4): 2315—2323. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2315. (In Russ.).
- Naumenko, O. N., Almukhametova, M. Sh., Pinigin, M. G. (2023). Labor Activity of Convicts in Conditions of Humanization of Imprisonment in Late 18th — Early 21st Centuries (Western Siberia). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 436—453. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453> (In Russ.).
- Obushiev, S. P., Umerova, G. B. (2007). Judicial policy in the national outskirts of the Russian Empire in the XIX century (Far East, Siberia, Steppe Pre-Caucasus, Transcaucasia, Kazakhstan and Central Asia). *Law and politics*, 5: 111—120. (In Russ.).
- Otegenov, H. (2019). To assess the uprisings in the Khanate of Khiva and the Amudarya department in 1916. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2 (59): 31—36. (In Russ.).

- Rachabov, S. O. (2022). Munosabati tirati diplomacy Rusiai podshoh Bo hungariae of ociee Marcas gift of charoite of Casati multiplicador. *Journal of the Academy uu*, 3 (43): 168—174. (In Tajik).
- Saifidinov, F. F. (2021). The formation of the institute of the victim in the Kokand and Khiva khanates, as well as the Bukhara Emirate. *Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan*, 1 (49): 115—123. (In Russ.).
- Saliev, A. L. (2016). *Judicial policy of the Russian autocracy in the nomadic regions of Turkestan*. PhD Diss. Bishkek. 396 p. (In Russ.).
- Samigulov, G. H. (2018). New sources on the history of the murz Kulmametevs. *Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography*, 1 (40): 99—107. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-099-107. (In Russ.).
- Sartory, P. (2008). Judicial Elections as a Colonial Reform: The Qadis and Biys in Tashkent, 1868—1883. *Cahiers du Monde russe*, 49/1: 79—100. DOI: 10.2307/40419105.
- Sman, A. (2016). On law and human rights (historical and legal view). *International Scientific Journal*, 5 (33) / 2: 188—193. (In Russ.).
- Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents*. (2016). Moscow: Kuchkovo Pole. 878 p. ISBN 978-5-9950-0695-4. (In Russ.).
- Von Bertalanfy, L. (1968). *General System Theory. Foundations, Development, Applications*. New York: G. Braziller. 289 p.
- Yarzutkina, A. A. (2002). “Idolatry” of the Siberian Tatars: the history of studying the issue and the experience of systematization of ethnographic materials. In: *Turkic peoples: mater. V Siberian Symposium*. Omsk: OmGPU. 77—91. (In Russ.).
- Zarubina, K. A. (2023). Horse theft, as a dangerous criminal trade in pre-revolutionary Russia, or how were they punished for stealing horses? *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*, 9 (3): 61—65. (In Russ.).
- Ziyaev, H. (1968). *Uzbeks in Siberia (XVII—XIX centuries)*. Tashkent: Fan. 77 p. (In Russ.).

*The article was submitted 19.04.2024;
approved after reviewing 15.06.2024;
accepted for publication 24.06.2024.*